
ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**КНИГА
МЕРТВЫХ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Книга мертвых / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Майор Шип. Принципы чекиста Ивана Шипова).

ISBN 978-5-04-235241-6

МОСКВА. ДЕКАБРЬ 1952 ГОДА. Майор МГБ Иван Шипов готовится арестовать группу студентов-романтиков, мечтающих о новой революции. Операция простая, рутинная. Но когда оперативники врываются в квартиру, их встречает кошмар: пятеро молодых идеалистов мертвы. У каждого в голове след от контрольного выстрела. Профессиональная работа.

Кто зачистил фигурантов раньше органов? Шипов находит улику: лидера студентов пытали, жгли сигаретами, резали ножом. Убийц интересовала старая книга Самуила Полесского «Союз Справедливости 16».

Последняя надежда — на внедренного в студенческую группу агента. Шипов бросается спасать его, но и здесь опаздывает. Умиравший агент успевает прошептать: «Я передал книгу...» — и умирает. Кому он ее передал? Зачем? И что в этой книге такого, ради чего убивают без разговоров?

Один за другим гибнут все, кто соприкасался с таинственным изданием. Шипов понимает, что в Москве действует хорошо вооруженная, профессионально обученная, беспощадная банда. И еще он понимает, что за ним уже следят...

Можно ли найти истину, когда все свидетели мертвы? И главное — можно ли выжить, когда охотник сам становится добычей?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235241-6

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Самуил Полесский, для приближенных — Философ, неподвижно стоял у окна и наблюдал, как, чарующе рассыпаясь искрами, вздымается вверх жадное пламя, сопровождаемое потрескиванием сгорающих в пепел бумаг и дерева, овеваемое резким запахом гари.

Пламя отбрасывало отблески на его заострившееся лицо, на застывшую на губах хищную улыбку, задорно плясало в его безумных глазах.

Вот черт, он не успел всего лишь чуть-чуть. Они пришли раньше, чем он рассчитывал. И они считали, что вовремя... Почти вовремя.

Это было его поражение? Нет, это был естественный ход вещей, который просто в очередной раз нужно повернуть в своем направлении. В нужном направлении. В направлении, которое наполнит жизнь если и не смыслом, то ощущением того, что ты жив и ты в игре. Пусть и ненадолго.

«Игра, игра», — прошептал Полесский.

А вот и игроки пожаловали. Интересно, все они заявились сюда? Будем надеяться, что все.

На самом деле их немного. Точнее, совсем мало. В этом их и сила, и слабость — их всегда мало. И их

визита нужно еще заслужить. Философ заслужил. Он разворошил их бездонное злое болото.

В комнату древнего бревенчатого купеческого дома зашли трое. Триумвират, консенсус, который может принимать любые решения и сам же их исполнять.

— Большая честь, — криво улыбнулся Полесский, отворачиваясь от окна, в проеме которого пылала красная, рассыпающаяся искрами и потрескивающая рушащимися деревянными перекрытиями ночь.

Триумвират. Трое. Коричневые пальто, серые шляпы — они хотели казаться среднестатистическими совслужащими, да и казались таковыми. Но Философа не проведешь. Он чуял таких за версту.

Разные по возрасту. Один почти старик, седой и вальяжный. Другой — молодой и энергичный, рвущийся в бой, такие обычно нетерпеливы, склонны к опрометчивым шагам. Третий — атлет, безупречно одетый, с безупречно подстриженными усиками, с безупречно открытым и честным взглядом, в общем, мужчина в самом расцвете сил и амбиций. И чем-то они все похожи друг на друга. Как одна семья. Не внешне, нет. Какая-то внутренняя сила и уверенность исходили от них.

Боялся их Полесский? Конечно, нет. Просто он знал им цену. Знал, что они могут. И сейчас смеялся и над ними, и над собой. Еще он холодно, воспитанно и смертельно ненавидел их. Особенно сейчас, когда они поломали его отчаянную игру этим своим визитом.

— Вы нас не ждали так скоро? — осведомился старик, и Философ поморщился, увидев, что в руке тот

сжимает книжку в дешевой картонной серой обложке, от которой еще исходил типографский запах. Той самой, тираж которой был спален в так задорно пылающей сейчас типографии «Красный пропагандист».

— Вы оказались чересчур расторопны, — кивнул Полесский. — Излишне расторопны.

— Зачем? — спросил старик.

— Что зачем?

— Зачем ты сделал это?

— Неужели непонятно. Чтобы взорвать ваше самодовольство и ваши идиотские планы. Почему вы думаете, что играть можете только вы?

Старик посмотрел на него со скорбью, молодой — с негодованием и яростью. А мужчина в самом расцвете сил — с холодным равнодушием уверенного в своих силах волкодава, не рвущегося в бой, но готового сорваться с места после условного сигнала. Вот и рука у него в кармане — наверняка с наганом. Для стрельбы из кармана лучше годится револьвер — у него отскакивающий назад затвор не повредит руку и не порвет пальто. «Волкодав» готов ко всему. Ему даже не надо вцепляться зубами в горло и рвать аорту — достаточно просто нажать на спуск.

— Мы пришли вовремя. Мы всегда приходим вовремя, — отметил «волкодав». — Так что твои безумные расчеты не оправдались.

— Ну да, зазевался я. Надо было быстрее... И что теперь? Вы пришли убивать и жечь. И меня тоже убьете?

— Ты заплутал. Но ты же знаешь: всепрощение — это наш фундамент, — почти ласково произнес старик.

— Ну да. Я пока вам еще нужен... Пока. Сколько продлится это «пока»? Не так долго, до той поры, как я передам вам все. А потом... Я для вас слишком неуправляем. И не верю в ваши сказки.

— Всему есть разумный компромисс. — Старик умел сладкими речами захватывать и топить сознание собеседника — он был в этом мастер. Но Полесский давно не велся на подобные фокусы.

— Я устал от вас, — произнес он равнодушно. — От себя. Я ухожу.

— Ты очень упрям, — вздохнул старик с видом инквизитора, сердце которого разрывается от печали, когда он посылает еретика на костер, но при этом прекрасно знает — так ему, еретику, будет лучше для спасения души. — Ну что же, ты битая карта. Нам достаточно книги. Ты поработал хорошо. Теперь будут работать другие.

Мужчина в расцвете сил быстро, отточенным движением извлек из кармана оружие. Это был не наган, а какой-то иностранный револьвер — европейская полиция вооружена такими, которые называют «бульдогогами». Для полноценных перестрелок не слишком годится из-за проблем с прицеливанием, но на близкой дистанции штука смертельно-надежная.

— Посчитаем, это было последнее слово приговоренного, — радостно улыбаясь, подытожил «волкодав».

— Нет, братья. Последнее слово за мной. Я связал эти концы. Мне их и рубить...

Полесский, стоящий у стола, смахнул рукой бумажный календарь, на котором красным было отмечено «27 октября 1929 года». Он знал, что в этот зна-

менательный день будет развязка. Хотя надеялся на другой ход событий, но предусмотрел и самое худшее. И подготовил сюрприз — ему, старому химику-бомбисту, который еще в Санкт-Петербургском императорском университете делал адские машины, это было не трудно. И лично для себя он постарался особенно.

«Волкодав» понял, что творится неладное, и, больше не думая, нажал на спусковой крючок.

Пуля вошла в грудь Философа. Но даже пуле не остановить неизбежного.

Рука хозяина дома уже дергала шнур.

Плеснул жар, обрушился чудовищный грохот — взрыв разнес купеческий бревенчатый дом, переданный в безраздельное владение члену бюро обкома ВКП(Б) Самуилу Полесскому.

Все ниточки были оборваны. Во всяком случае, именно так казалось всем причастным и заинтересованным. Долго казалось.

Но время как океан — оно порой выносит на поверхность забытые артефакты. Некоторые из них важны с археологической точки зрения. Другие вполне можно использовать — притом не только в музеях и пыльных кабинетах историков, но и в борьбе идей и людей. А иные опасны, как неразорвавшиеся в свое время мины...

ГЛАВА 2

— Мы должны это сделать! Если мы это не сделаем, нас не поймут. Нас будут презирать трудящиеся! — генерал Вострецов так хлопнул широкой мясистой ладонью по своему начальственному столу, что тяжелый бронзовый чернильный прибор подпрыгнул.

— Сделаем, — механически кивал мой начальник полковник Беляков, давно привыкший к генералу и его богатому эмоциональному самовыражению.

Вострецов в свои пятьдесят пять лет до сих пор, как юнец, обожал впадать в излишний пафос и нацеплять маску прямого, как шпала, идейного борца. Интересно, он правда такой? А где змеиная хитрость и чекистский цинизм, без которых у нас не выжить?

В просторном кабинете на Лубянке сейчас происходило совещание по грядущей реализации агентурного дела «Скоморохи». Почему «Скоморохи»? А мне так захотелось. Агентурные дела можно называть как угодно, лишь бы из самого названия не угадывался объект разработки.

Генерал напрасно гнал волну. Дело было заурядное — обычная текучка, которая составляет девяносто процентов работы оперативного аппарата МГБ.

Итак, у нас в разработке антисоветская организация с гордым самоназванием «Истинные коммунисты». По мнению фигурантов, остальные коммунисты неистинные, в том числе те, кто творил революцию и побеждал в страшных войнах. Хотя доля правды в этом названии есть — эти ребята действительно истинные, но только не коммунисты, а трепачи и пустомели. У них по молодости бурлит кровь в жилах, голова забита дикой чепухой. Их души жаждут перемен, а у некоторых — и героического самопожертвования. В общем, молодые дураки, которые без устали чешут языками, якобы тайно собираясь в полутемных квартирах под романтическое мерцание свечей, и искренне уверены, что точно знают, как надо.

Сколько ни выкорчевывай такие ячейки, они все равно пробиваются из земли, как грибы после дождя. Притом неважно, на какой идейной основе. Главное у адептов — почувствовать свою исключительную значимость и богатырский вес в делах этого мира. Иллюзия, конечно, и самообман, но зато как греет незрелую душу.

Одно время у нас было модно делать из таких собраний идиотов дела века и клеймить: «Контрреволюционное подполье, угроза социализму, наймиты Запада!» Но постепенно пришло понимание, что гораздо полезнее профилактировать, разобщать, а неумную энергию юных борцов направлять на благо общества и государства. Ведь нередко этой ерундой занимаются вполне себе приличные ребята с активной жизненной позицией, просто свернувшие не туда и погнавшиеся за обманкой.

И этих «скоморохов» мы просто спрофилактировали бы. Может, одного-другого арестовали бы для наглядности. Или, наоборот, создали бы тепличные условия, чтобы организация приманивала действительно жирных щук из заводов зарубежных спецслужб — такая ловля на живца.

В общем, вначале у нас были варианты. Но «скоморохи» решили отыграть на все деньги и побить рекорд идиотизма. Помимо обсуждения нюансов марксизма они азартно принялись составлять списки «ренегатов», кого нужно будет убрать физически для революционного подъема масс — и среди целей были в числе прочих высшие лица партии и государства. А это уже совсем другая песня. Это подготовка к террору, а с террористами разговор особый, без компромиссов и промедления.

В итоге они допрыгались. И из всех возможных решений осталось одно — арест и расплата по самому высокому тарифу. Идиотизм ныне дорог.

— Соберутся они завтра, — пояснил Беляков.

— Ругать советскую власть, — удовлетворенно кивнул генерал.

— Гвоздь программы — будут разбирать книгу.

Генерал насторожился и тут же загорелся воодушевлением:

— Антисоветская литература? Из-за рубежа? Какая работа проделана по выявлению каналов доставки в страну?

— Да какой-то наш автор, — пролистнув блокнот, проинформировал полковник Беляков. — Некто Полесский. «Союз Спасения 16». Руководитель этого

притона студент Калюжный ее откопал на чердаке. Или в подвале. Объявил своей пастве, что там замечательные идеи об устройстве мира и о новой революции. И пообещал устроить чтение минимум на три сходки с обсуждением.

Генерал расстегнул верхнюю пуговицу своего кителя, глубоко вздохнул. Нахмурился.

— Очередная идеологическая диверсия! Вырвать с корнем. Если не сделаем этого — люди нас не поймут!

— Сделаем, — снова заверил полковник и не удержался: — И люди нас поймут.

Я едва сдерживал зевету, глядя в окно на снег, засыпающий и площадь Дзержинского, и всю Москву, и, кажется, весь мир. Он ложился и на меня своей мерзлой тяжестью. Взамен обычного азарта перед доброй работой накатывала какая-то апатия. Хотя она и не покидала меня после дела «Чумного доктора».

— Перед операцией доложить мне о готовности. Лично, — генерал выжидательно и тяжело уставился на Белякова.

— Есть, товарищ генерал! — бодро воскликнул тот, демонстрируя трудовой порыв.

Совещание закончено. Добро получено. Мы готовы ринуться в бой с шашками наголо. Правда, вместо острой стали у нас заготовленные по всей форме бумаги, но это так, детали. Однако перед атакой должен прозвучать сигнал «вперед». И отдать его должен я, майор госбезопасности Шипов. А для этого мне надо будет встретиться завтра днем с агентом «Сеньор». Получить у него исчерпывающую информацию. И вече-

ром нагрязнуть на отдельную московскую квартиру, где студенты будут обсуждать новую революцию и старую книгу.

Наружное наблюдение мы выставлять не стали. Смысла не было никакого, только риск засветиться. Юные революционеры все время осматриваются, в напряжении, на нервах, все секут, в каждом шорохе слышат ползущего врага. И при таком раскладе вполне могут засесть наружку — у дилетантов порой и не такое получается. Да и заданий у наших разведчиков сейчас выше крыши по другим делам, которые наверху считают более важными и приоритетными. Вон дело врачей-вредителей, заморивших членов Политбюро, активизировалось. Что-то готовится, и вся разведка задействована там.

Все мы сделаем просто и надежно. «Скоморохи» собираются. Мы их упаковываем. Кто не придет — потом доберем. Все фигуранты известны — вон у меня в деле схема связей на ватманском листе напоминает схему сложного приемника.

Задержания. Показания. Очные ставки. Это было не раз и будет еще долго, пока служу. Обычное дело. Рутина.

Но в том и специфика нашей работы — рутина вмиг может стать катастрофой, а катастрофы становятся рутинной...

ГЛАВА 3

С утра все пошло наперекосяк и не пойми куда. Мне «подсветочка» подсветила, что предводитель «Истинных коммунистов» Лев Калюжный исчез с семинара на журфаке со словами: «Какой семинар, тут бы башку не сложить. Мир ждет действия. Не поминайте лихом!» Любил он ввернуть по делу и без него что-то такое звонкое и громкое.

Дальше — больше. Его ждали с новым материалом в «Комсомолке», и он всегда являлся туда, как часы — от этого зависело будущее трудоустройство. Но и в редакции не объявился.

М-да, наша операция, похоже, начинала трещать по швам. Неужели он пронюхал что-то? И сейчас собирается в бега? Это еще не самое страшное. Куда хуже, что он может сдуру и правда совершить террористический акт. Однажды он обмолвился, что где-то пару гранат нашел и припрятал для врагов истинного социализма. И в кого они полетят?

В общем, я был весь на нервах. И нужно срочно сориентироваться. Так что, с нетерпением дождавшись назначенного часа, ринулся в зиму и холод.

В Москве начало резко холодать, и до того мягкая зима 1952 года отныне обещала жесткие морозы. Ветер

забирался под мое шерстяное пальто на ватине — теплое, но, как оказалось, недостаточно. Снег уже второй день валил такой, что силуэты зданий, машин и прохожих больше угадывались, чем очерчивались. Мир белых призраков. А передо мной готический замок — стрельчатый, огромный. А я кто? Благодородный рыцарь с копьем наперевес?

Замечаю, что в последнее время ко мне бесцеремонно все лезут и лезут мысли не от мира сего, наполненные то ли романтикой, то ли темным отчаянием перед становящимся все более неопределенным миром. На деле никаких призраков в пределах досягаемости, вокруг обычные граждане, спешащие по делам, за покупками в раскинувшийся передо мной — нет, не готический замок, а всего лишь московский ЦУМ, что на Петровке. Бывший дореволюционный галантерейный магазин товарищества «Мюр и Мерилиз». Коренные москвичи до сих пор говорят не «отправимся за покупками в ЦУМ Мосторга», а «загляну-ка я на огонек к Мюру». Вот и я загляну.

Из дверей обдало теплом, и я шагнул в мир вещей и звенящих кассовых аппаратов. Здесь есть все, что угодно самому взыскательному покупателю. Правда, товары официально продаются по повышенным ценам, многие из них производят специально созданные под ЦУМ предприятия. Но людей цены не отпугивают. Здесь всегда роскошно, дорого и многолюдно. А где толпа — там легче затеряться.

Покупатели с улицы были снежно-влажные, будто пар от них шел. Раскрасневшиеся и озабо-

ченные. Некоторые пришли покупать, другие поглазеть и поцокать языком, дивясь ценам. А вон мелкая шантрапа, явно из детдомовских, уже примеряется к сумочке расфуфыренной, всей в мехах мадам. Только шкеты не видели того, что видел я, — к ним самим уже присматривались двое оперативников из группы по борьбе с карманниками, с которыми как-то свела меня судьба. Они меня узнали, но виду не подали. Они на работе. Так ведь и я на работе.

Вот проход служебный, за ним узкая лестница. Коридорчики, глухие и безжизненные. Неприметная дверь. Поворот ключа. И я на месте.

Каморка папы Карло — стол, три стула, и даже очаг есть — изразцовая и давно не использующаяся печка. На столе присутствовали чернильная автоматическая ручка, чернильница и стопка чистой бумаги. Неожиданно сильная лампочка под потолком освещала убогий интерьер и карту Москвы, занявшую половину стены. Вот оно, конспиративное помещение для встреч с агентурой. Любим мы шумные места — магазины, театры и кинотеатры, учреждения, куда можно просочиться незаметно в толпе, а при необходимости и уйти незамеченным. В ГУМе у нас тоже есть такая каморка.

Прозвучал условный стук в дверь. Вот и гость. Минута в минуту появился.

Отодвинув вечно заедающую щеколду — все время собираюсь ее смазать, да руки не доходят, — я пригласил:

— Заходи, гость званный.